

Громько Сергей Александрович

РЕЧЬ АКАДЕМИЧЕСКОГО УЧЕНОГО В РУССКОМ ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ НАЧАЛА XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ А. А. ШАХМАТОВА В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ)

Статья раскрывает основные характеристики речи академического ученого в российском дореволюционном парламенте. На примере выступления А. А. Шахматова в Государственном совете показаны основные приемы и средства речевого воздействия на аудиторию, берущие начало из академической риторики. Рассматривается влияние академической риторики на формирование русского парламентского красноречия начала XX века. В статье впервые публикуются и анализируются фрагменты речи академика А. А. Шахматова в Государственном совете.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/6-2/19.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. II. С. 71-73. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Астафурова Т. Н., Олянич А. В. Лингвосомиотика власти: знак, слово, текст: монография. Волгоград: ИПК ФГОУ ВПО ВГСХА «Нива», 2008. 180 с.
2. Байбурин А. К. К проблеме стереотипизации поведения: бытовые события, ритуал // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: тезисы конференции. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 1-3.
3. Чернявская Т. В. Дискурсивное пространство англоязычных предрассудков: дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2008. 189 с.
4. Longman Dictionary of English Language and Culture. Oxford: Longman Group UK Limited, Pearson Pbl., 1992. 1528 p.
5. Superstitions Influence on Students Mind and Culture [Электронный ресурс]. URL: <http://www.articlesbase.com/education-articles/superstitions-influence-on-students-mind-and-culture-3340025.html?en> (дата обращения: 01.03.2015).
6. The American Heritage Dictionary of the English Language. N.Y.: Random House Pbl., 1997. 8652 p.
7. The Oxford Dictionary of the English Language. М.: АСТ; Астрель, 2007. 828 с.

PROTECTIVE SIGNS IN LINGUO-SEMIOTICS OF EDUCATIONAL DISCOURSE

Goncharova Dar'ya Anatol'evna

Volgograd State University

goncharovadasha2012@yandex.ru

The article is devoted to the consideration of protective signs in the linguo-semiotics of educational discourse. Esoterica is an aggregate of phenomena that are inaccessible for rational analysis by the man whereupon various kinds of superstition appear. In this work the author tackles the superstitions of the British pupils, which perform a function of the student's protection from a bad mark or the teacher's punishment. On the basis of the conclusions the typology of the school protectives of educational discourse including superstitious artifacts, gluttonyms, anthroponyms, zoonyms, somatic signs, coloronyms, numeronyms, and ritual signs is presented.

Key words and phrases: linguo-semiotics; educational discourse; protective signs; superstitious artifacts; gluttonyms; anthroponyms; zoonyms; somatic signs; coloronyms; numeronyms; ritual signs.

УДК 808.53

Филологические науки

Статья раскрывает основные характеристики речи академического ученого в российском дореволюционном парламенте. На примере выступления А. А. Шахматова в Государственном совете показаны основные приемы и средства речевого воздействия на аудиторию, берущие начало из академической риторики. Рассматривается влияние академической риторики на формирование русского парламентского красноречия начала XX века. В статье впервые публикуются и анализируются фрагменты речи академика А. А. Шахматова в Государственном совете.

Ключевые слова и фразы: парламентская риторика; академическая риторика; А. А. Шахматов; Государственный совет; политическая дискуссия.

Громько Сергей Александрович, к. филол. н., доцент

Вологодский государственный университет

ling2007@yandex.ru

РЕЧЬ АКАДЕМИЧЕСКОГО УЧЕНОГО В РУССКОМ
ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ НАЧАЛА XX ВЕКА(НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ А. А. ШАХМАТОВА В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ)[©]

Русский парламентский дискурс начала XX века, включающий в себя дискуссии в Государственной думе, Государственном совете, а также в городских думах, отличается неоднородностью, стилистической и риторической разноплановостью [6]. В первую очередь, это было связано с активным формированием русского парламентского красноречия, развитием представлений как общества, так и самих депутатов о том, какой должна быть парламентская дискуссия и парламентская речь в целом. Социальный состав Государственного совета Российской империи резко отличался от состава Государственной думы: основу Государственного совета составляли назначаемые члены, по сути, государственные чиновники, а низшие сословия практически не имели доступа к членству, даже выборным путем. Куриальная система выборов предусматривала квоты, на которые претендовали в основном образованные люди, не придерживавшиеся радикальных взглядов. Например, от академии наук и университетов квота составляла шесть человек. Это определило и гораздо более низкий накал политических дискуссий в Государственном совете по сравнению с Государственной думой.

Русское академическое красноречие традиционно рассматривалось его теоретиками и практиками как школа гражданского воспитания [5, с. 152]. Связано это, в первую очередь, с тем, что выдающимися лекторами второй половины XIX – начала XX века – эпохи расцвета академической риторики – были в основном профессора словесности, истории, права, обществознания. Сам предмет лекций В. О. Ключевского, Т. Н. Грановского, А. Ф. Кони не мог не касаться вопросов взаимоотношений личности, общества и государства. Риторический идеал русского академического красноречия, в отличие от парламентского, можно считать достаточно монолитным: уже с начала XIX века отечественные риторические руководства подчеркивают необходимость для академической публичной речи таких важнейших качеств, как ясность, доходчивость, эмоциональность, красота, внутренняя диалогичность. Активное участие академических ученых в деятельности Первой Государственной думы и обновленного Государственного совета 1906 года поставило перед привычной ораторской практикой новую задачу. Признанным ораторам-лекторам представилась возможность заявить о своих политических предпочтениях не с университетской кафедры, а с трибуны парламента. Цель данной статьи – выявить на примере текста А. А. Шахматова особенности устной публичной речи оратора нового типа – академического ученого, участвующего в парламентских прениях.

За три с небольшим месяца своей институциональной политической деятельности А. А. Шахматов произнес всего одну развернутую речь в ходе дискуссии о проекте ответного адреса императору. Однако эта речь дает представление не только о политических взглядах ученого, но и о риторическом идеале, которого придерживался Шахматов. 4 мая 1906 года ученый принял участие в прениях по поводу проекта ответного адреса Государю Императору. В тот момент достигла своего пика дискуссия об упоминании в тексте документа амнистии. Ниже приводится фрагмент выступления А. А. Шахматова.

«Шахматов: Существенным отличием проекта адреса, составленного профессором Багалеем, мною и некоторыми другими членами Государственного совета, от проекта, выработанного комиссией, является включение в первый из них ходатайства о полной амнистии.

Скажу несколько слов, почему я в числе некоторых других членов Государственного совета считаю правильным ходатайствовать именно о полной амнистии. Амнистия, о которой идет речь, будет амнистией политической. Политическая же амнистия отличается от прочих видов амнистий, большею частью случайных и произвольных, особым характером, делающим ее актом государственной необходимости. Только государственная необходимость может побудить главу государства к амнистии преступлений государственных. Сознание пользы и нужды государственных может привести монарха к необходимости объявить амнистию. Имеем ли мы основания, исходя из соображений государственных, допускать ту или другую градацию политических преступлений? Можем ли мы утверждать, что тот или иной шестнадцатилетний юноша, покушавшийся убить городского, не может быть выпущен на свободу в интересах государства, что тот или иной крестьянин, совершивший насилие во время аграрных беспорядков, должен быть оставлен в тюрьме или на каторге в интересах государства? Настолько ли нам известны эти государственные интересы, чтобы рядом с этим решить, что иные деятели революции могут быть отпущены и прощены все в тех же интересах государства? Не поставим ли мы случайную и произвольную оценку интересов государственных выше того высшего начала справедливости, которым предписывается государству амнистия? Высшее же начало это состоит в данный момент в сознании того, что, во-первых, преступления, совершенные после 17 октября вплоть до 27 апреля, имели место при совершенно особой, исключительной обстановке и что до 27 апреля ничего не было сделано для действительного успокоения общества, а напротив, было сделано очень много для его раздражения, для развития в нем преступных инстинктов.

Нам говорят об опасности от амнистии. Принцип справедливости и правды – вот якорь, за который держится государство, и, идя с ним, государство может не бояться никаких опасностей. Опасность является следствием пренебрежения этим принципом, следствием компромиссов, совершенно затемняющих иной раз и правду, и справедливость. Правда и справедливость с совершенною ясностью подсказывают, что виновными в неслыханной смуте наших дней являются те, кто вместо общих мер умиротворения, предначертанных монархом, применили к русскому обществу неслыханные меры репрессии. И именно отсюда, из этого положения я заключаю, что общая полная амнистия есть акт государственной необходимости» [4, с. 11-12].

В первую очередь, обращает на себя внимание логичность, четкость и стройность выступления. Тезис, который выдвигает оратор, – необходимость включения в ответный адрес ходатайства о полной политической амнистии – подкрепляется несколькими рациональными аргументами, что выгодно отличает выступление от речей других членов Государственного совета в этой же дискуссии. Интересно, что и для Государственной думы этого же времени такая структура речи не была характерна, так как депутаты ориентировались на спонтанность выступления, особенно в процессе прений. Отсутствие какого бы то ни было сумбура в речи А. А. Шахматова свидетельствует о высокой степени подготовленности текста и о специфическом восприятии аудитории как коллективного собеседника, ориентированного на усваивание рациональных аргументов в традиционном рассуждении.

В то же время выступление Шахматова нельзя назвать сухим и слишком строгим: эмоциональное ядро речи составляют четыре идущих подряд риторических вопроса. Это свидетельствует о том, что оратор грамотно использует аргументы к пафосу как способ воздействия на аудиторию. В этом случае, наоборот, оратор логично вписывается в парламентскую речевую практику начала XX века. То, что А. А. Шахматов в качестве средства речевого воздействия выбирает каскад риторических вопросов, еще раз иллюстрирует наблюдение о доминировании риторического вопроса среди всех средств речевой выразительности в русской парламентской дискуссии начала прошлого века [6, с. 76-80]. Однако следует заметить, что функция этих вопросов

в выступлении Шахматова несколько иная по сравнению со складывающейся на тот момент практикой устной публичной речи в представительных органах власти. Вместо привычной для Первой и Второй Государственной думы амплификации (нанизываются равные по степени эмоциональности вопросы) либо градации (увеличение степени эмоциональности вопросов, доходящее в некоторых случаях до фактов речевой агрессии) риторических вопросов мы можем наблюдать своеобразное рассуждение при помощи четырех риторических вопросов. Первым вопросом («Имеют ли мы основания, исходя из соображений государственных, допускать ту или другую градацию политических преступлений?») открывается общий аргумент. Затем он поясняется следующим риторическим вопросом, в котором содержатся два примера (заключенные в тюрьму юноша, покушавшийся убить городского, и крестьянин, совершивший насилие во время аграрных беспорядков). Третий риторический вопрос («Настолько ли нам известны эти государственные интересы, чтобы рядом с этим решить, что иные деятели революции могут быть отпущены и прощены все в тех же интересах государства?») – также аргумент-пример, но противоположный предыдущим примерам. Четвертый риторический вопрос представляет собой вывод о неравнозначности понятий «государственные интересы» и «справедливость». Сравним это довольно сложное построение с типичными для Государственной думы каскадами риторических вопросов: *А что, спрошу я, в Риге те же самые условия? Что, Рига тоже сейчас отрезана от сообщения со всем миром? Что, из Риги нельзя переслать в Петербург кассационную жалобу?* [З, с. 902]; *Да что же это такое, господа? Да это ли не насмешка? Да разве мало платили крестьяне разных земельных налогов? Мало ли они были обременены налогами всякого рода?* [Там же, с. 985]. Очевидно, что, используя каскад риторических вопросов, оратор Шахматов был нацелен, в первую очередь, на объяснение, а ораторы Думы и Государственного совета в большинстве своем – на эмоциональное воздействие.

В речи Шахматова частотны повторы и анафоры, что делает выступление легким для восприятия. Синтаксис выступления довольно сложен, ориентирован на книжную литературную речь, однако, думается, это не могло затруднить внимательного слушателя, на которого и ориентировался ученый. В своем выступлении оратор сознательно не идет по пути использования сниженных разговорных элементов. В мае 1906 года в Государственном совете пока еще сохранялась литературная речь, но в Государственной думе модой стало использование не только разговорной, но и просторечной лексики и фразеологии.

Речь ученого вызвала раздражение со стороны консервативной части Государственного совета, некоторые члены попытались публично осудить Шахматова за чтение речи по листку, хотя в нормативных актах Государственного совета того периода на это не было прямого запрета.

Таким образом, речь А. А. Шахматова находится на пересечении академического и политического дискурсов. Новаторство Шахматова заключалось в попытке сохранения академического стиля в эмоционально нестабильном парламенте (ясность, четкость, строгая структурированность текста) с усилением доходчивости рассуждения за счет доминирования вопросно-ответных конструкций. Вместе с тем можно говорить и о снижении академического пафоса, уменьшении количества метафор (всего одна) и ослаблении их роли в построении текста. По сравнению с речами депутатов I Государственной думы выступление Шахматова выглядит еще более спокойным, уравновешенным и содержательным.

Список литературы

1. Бородин А. П. Шахматов Алексей Александрович // Государственный совет Российской империи: 1906-1917: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. 343 с.
2. Виноградов В. В. А. А. Шахматов. Пг., 1922. 80 с.
3. Государственная дума: стенографические отчеты 1906 г. СПб., 1906. Т. II. Заседания 19-38. 1610 с.
4. Государственный совет: стенографические отчеты. Сессия 1. СПб., 1906. 830 с.
5. Грановская Л. М. Риторика / под ред. В. А. Плотниковой. М., 2004. 218 с.
6. Громько С. А. Зачем политику риторический вопрос? Особенности парламентской дискуссии начала XX века // Русская речь. 2010. № 4. С. 76-80.
7. Громько С. А. Язык российского парламента: становление отечественной парламентской коммуникации в начале XX века // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 83-91.
8. Демин В. А. Левая группа // Государственный совет Российской империи: 1906-1917: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. 343 с.

THE ACADEMIC SCHOLAR'S SPEECH IN THE RUSSIAN PARLIAMENTARY DISCOURSE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (BY THE MATERIAL OF THE SPEECH BY A. A. SHAKHMATOV IN THE COUNCIL OF STATE)

Gromyko Sergei Aleksandrovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Vologda State University
ling2007@yandex.ru

In the article the basic characteristics of the academic scholar's speech in the Russian pre-revolutionary parliament are revealed. By the example of A. A. Shakhmatov's speech in the Council of State the main techniques and means of speech influence on audience originating from academic rhetoric are shown. The impact of academic rhetoric on the formation of the Russian parliamentary eloquence of the beginning of the XX century is considered. In the paper the extracts of the speech by the academician A. A. Shakhmatov in the Council of State are published and analyzed for the first time.

Key words and phrases: parliamentary rhetoric; academic rhetoric; A. A. Shakhmatov; the Council of State; political debate.